

Юлия Фирсанова

**Цикл
«Джокеры – карты Творца»**

БОГИНЯ, ШПИОН И ТАЙНЫ ТЕХНОМИРА
ОТДЫХАТЬ, ТАК ПО-БОЖЕСКИ!
БОЖЕСТВЕННЫЕ МАСКАРАДЫ
БОЖЕСТВЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ
ЗАГАДКА ЛИБАСТЬЯНА, ИЛИ ПОИСКИ БОГОВ
БОЖЕСТВЕННАЯ ОХОТА
БОЖЕСТВЕННОЕ БЕЗУМИЕ

**Трилогия
«Рассмешить Творца»**

РОДИТЬСЯ НАДО БОГИНЕЙ
МЕСТЬ БОГИНИ
БУРЯ ПРИКЛЮЧЕНИЙ
•
НАКОЛДОВАННАЯ ЛЮБОВЬ
ЧУДАЧКА
ВСЕ ЗЛО В ШОКОЛАДЕ!
ЧАСТИЦА НЕВЕРОЯТНОСТИ МС

Пролог
КЛЮЧ К ТАЙНЕ

— Машка, ты конченная идеалистка! — провозгласил Витька, воздев вверх свою банку с газировкой.

— Может, законченная, Витек? — хихикнула Верка, машинально сооротив глазки однокурснику и накручивая кудряшку-завлекалочку на пальчик.

— Не, именно что конченная! — заупрямился парень.

Мария лишь улыбнулась и тряхнула рыжеватой челкой, даже не думая обижаться на ребят. Как говаривал ее дед, хоть горшком назови, только в печь не ставь.

А парень тем временем продолжал бухтеть:

— Какого... она эту пьянь потащила проверять? Чуть на автобус не опоздали! Вот скажи, Маш, зачем? Лежит себе человек в кустиках, радуется жизни, так нет, полезла! Тебе чего, больше всех надо?

— Если человек лежит на газоне, ему может быть плохо, — спокойно обосновала свой поступок Маша.

— Ха, я ж говорю, конченная идеалистка ты, Сазонова! — остался при своем мнении парень. — Если б этот счастливец тебе песню петь с ходу не начал, точно бы на рейс опоздали, и плакал пикничок!

— Какая есть, — пожала широкими плечами профессиональной пловчихи девушка, отпила яблочного сока из пластикового стаканчика и перевернула шампуры над мангалом.

— Зато Машка шашлыки делает — закачаешься! — вступился за однокурсницу и коллегу по шашлычному делу Лешка, хозяин дачи, куда приехали ребята всей группой на майских праздниках.

— Это да, шашлыки у нее мировые! — вынужденно согласился Витек, покосившись на шампуры, и невольно сглотнул слюну. Там, над пламенеющими угольями, уже начало исхо-

дить соблазнительным ароматом мясо. — Если бы еще под водочку или пиво...

— Вечером, Вить, но только в меру, а то Лешкины родаки нас сюда больше не пустят, — покосившись на Машку, пообещала староста группы Лидка.

— Я тебе что, алкашня с газона? — возмутился Витька. — И вообще, родаков-то тут нет.

— Зато баба Ньюта есть, — скорбно вздохнул Лешка. — Эта старая... хры... леди, короче, бдит, как десять полицаев. Все доложит, всех заложит. У нее... блин, даже бинокль есть, с чердака зырит! Так что до вечера, а там в дом перекочем ужинать и вмажем чуток. Коек в доме хватит. Можно матрасы надуть и раскладушку из сарая притащить.

— Я вечером на остановку пойду, меня можно не считать, — сразу предупредила Маша.

— Ну да, ты ж у нас не только идеалистка конченная, а еще и трезвенница, ладно хоть не язвенница, режим дня нарушать нельзя, — поддакнул Витька.

— Чего ты до Махи докапываешься, Вить? Она спортсменка, у нее режим и все такое. Как на соревнованиях за биохим выступать, так тебя нет, одна Машка плышет-бежит-прыгает, — вступилась за безотказное физкультурное сокровище курса староста.

— Зато я в КВН! — напыжился Витька.

— И на машинке скоро буду, и вышивать... — поддержал приятеля тоном Матроскина Лешка, намекая на недавнюю сдачу прав приятелем, и заржал.

Маша тоже рассмеялась и снова повернула шампуры. Мясной дух щекотал ноздри. Девчонки уже намыли овощей, нарезали салатки, напластали хлеба, сыра, колбасы, но садистски не дали жаждущим одноклассникам ни кусочка под лозунгом: «Как шашлык будет готов, тогда все! А пока сам не ам и вам не дам! А кто станет спорить, тот вообще без еды останется!»

Мужской части группы осталось только сглотнуть слюну и смириться. Бродить по даче, болтать и дышать свежим воздухом. Нет, первые полчаса по приезде проголодавшаяся молодежь еще шаталась по газонам, время от времени вынимала гаджеты, досадливо хмурилась и снова принималась бродить. На Лешкиной фазенде, вот засада, сеть не ловилась совершенно. Никакая! Будто все операторы разом устроили забастовку. Так что пришлось даже самым преданным поклонникам тех-

ники на время оставить любимые игрушки и вспомнить, что можно общаться исключительно друг с другом, и не смайликами, а словами.

— У тебя тут вроде как не низина, а глухо, как в танке, — пожаловался тогда Витька.

— Мы привыкли, — безразлично оправдался Лешка. — Вроде в прошлом году где-то неподалеку вышку ставили, а все равно, сети нет как нет. Батя шутит, что тут аномальная зона, НЛО в фундамент чьей-то дачки случайно залили. Если позвонить надо, приходится до дороги чапать, сеть только там появляется, еще можно в лес. Поближе будет. Но там комаров столько, что лучше все же на дорогу. Зато и из жаждущих общения никто не достает!

Так что, приняв странное объяснение, возмущающийся народ погудел, погудел, да и занялся устройством пикника. Мясо удалось, салаттики тоже, красное винцо под него, газировка, пиво пошли на ура. Молодежь гудела и веселилась. На возможные доносы бабы Нюты уже никто не обращал внимания.

Маша Сазонова — главная спортсменка группы и спец по шашлыкам — от спиртного (не считая пластикового стаканчика полусухого красного) отказалась. Зато с удовольствием пила любую газировку, яблочный сок и ела за троих. Аппетит у не толстой, но статной и мускулистой девахи был отменным. Впрочем, проголодавшиеся на свежем воздухе одnogруппники, вне зависимости от комплекции и пола, от нее не отставали.

Насытившиеся студенты собрались на площадке за дачей Лешки, оттащили в сторону мангалы, развели костер и принялись развлекаться. Пели хором, рассказывали анекдоты, потом нашли применение одной из пустых бутылок — решили играть в «вопрос-ответ».

Первым раскрутил бутылку на пяточке одной из бетонных плит, которыми замостили «шашлычную зону» во избежание пожара, шустрый Витька. При этом он очень уж выжидающе поглядывал на Верку. Видно, хотел что-то спросить у красотики, но горлышко, вот засада, указало на Машку.

Нет, девка она хорошая, даже, пожалуй, симпатичная: волосы светлые с отчетливой рыжиной, глаза каре-зеленые, лучиками. Но прямая Машка, как бревно, которое, небось, вместе с дедушкой Лениным легко перетащила бы от дачи до самого города, даже не вспотев. Рядом с такой девушкой былинному богатырю впору встать, а не обычному студенту. Попросишь

конспект или бутерброд — охотно даст, а чего другого у Машки просить попытаешься — глянет своими чистыми глазницами, и язык не повернется. Вроде простая, как валенок, но чего-то с ней чуток не того. Или она какая-то не такая.

Потому Витька ляпнул вопрос «на отвяжись» первую ерунду, какая взбрела в голову:

— Когда ты последний раз врала, Маш?

Сазонова в ответ не обиделась, скорее удивилась, хлопнула темно-рыжими, густыми, как щетка, ресницами и пожалала плечами:

— Не знаю, Вить, я никогда не вру.

— Да ладно, — не поверил парень. — Все врут, Маш, по пустякам, но все и всегда!

— Наверное, — снова пожалала плечами странная девушка. — Только я не вру. Зачем?

— Ну... матери, что не пришел вовремя автобус, а сама с подружкой загуляла, преподу, что тетрадку с лекцией дома забыла, а сама и не писала, или угостили какой-нибудь дрянью, а ты хвалишь стряпню... — почесал в затылке Витька, приведя пару-тройку самых распространенных примеров.

Машка же снова хлопнула своими щетками-ресницами и тихо проронила:

— Нет.

Она могла бы добавить:

«Мне так еще дедушка говорил: «Ложь пачкает и унижает, делает слабым, она как дыра в щите. Через нее и тебя ударить могут. Не ври, Машунь, коль можешь, никогда не ври понапрасну. Не можешь сказать обидную правду, смолчи. Одно дело дезинформация врага — на войне все средства хороши, другое — пустая брехня ради сиюминутной выгоды или комфорта».

Но не сказала ничего. Видела, Витьку не убедишь и не переубедишь. Люди разные и жизнь по-разному видят. Так зачем болтать?

— Ученые установили, что человек врет три-четыре раза в день! — с апломбом продолжил Витька. — Так что ты, Машка, со своим бзиком правдивости в теорию вероятности не вписываешься!

— Ага, ты у нас это... частица невероятности — МС, — вставил с чуть пьяной улыбкой Лешка, уже успевший с приятелями сходить в дом и тайком от старосты начать дегустацию бо-

лее крепких, чем пиво и легкое вино, напитков. Он как раз разливал компании остатки красного вина из коробки. — Тебя под стекло и в палату мер и весов или в музей надо!

— Не надо в музей. И вина тоже больше не надо, спасибо, Леш! Лучше я сок допью и пойду автобус или маршрутку ловить. Спасибо за пикник, ребята, было весело и вкусно! — улыбнулась Маша, допила стаканчик с яблочным соком и встала со старенького рюкзака, на котором сидела, приспособив его вместо скамейки или подушки.

Увлечшаяся компания почти не заметила «потери бойца». Ну не хочет Машка на даче ночевать, ее право. Может, родичи шибко лютуют. Вон как у Верки. Ее едва-едва Лидка под свою ответственность отпросила. Меньше народа, больше кислорода! А заодно и свободных спальных мест.

Маша тихо прикрыла за собой калитку, подпрыгнула, направляя лямки рюкзака, и пружинистым шагом двинула по неширокой гравийной дороге к шоссе. Но не успела девушка сделать и трех шагов, как скрипнула калитка соседней дачи и старческий голос окликнул:

— Деточка, не поможешь?

— Конечно! Что надо сделать, бабушка? — повернулась Маша к вполне благообразной — и не скажешь, что она жалобщица и вредина, — старушке. Ситцевый светлый халатик в мелкую ромашку, голубые калоши, седые волосики, собранные в аккуратный пучок. Словом, типичная бабушка-дачница, а вовсе не старая бяка.

— У меня подпорка сломалась, люк на чердак захлопнулся, не отпирается. Его бы подтолкнуть снизу. Да спина уже не та, чтоб тяжести ворочать, — пожаловалась бабуля.

— Пойдемте, — согласилась Маша.

Маршруток от дачного поселка до города, как объяснил Лешка, летело по дороге много. Одной девчонке попутку поймать — плевое дело. Это для группы пришлось расписание изучать и с автобусом подгадывать. Специально на машинах не поехали, чтобы не ругаться, кому нельзя ни грамма, а кто хоть по горло заливаться может. Маша в пьянке особой радости, как ни старалась, не видела, но поскольку давно уже поняла, что то, что нравится ей, далеко не всегда нравится всем, то с одноклассниками не спорила. Хотят — пусть, а ей стакан красного под мясо, и хватит. Не потому, что трезвость — норма жизни, а просто больше не хочется.

Вслед за бабушкой Нютой девушка прошла по выложенной плитками тропинке с травой, безбожно пробивающейся между стыками. Мощеная дорожка привела к дому из белого кирпича в два этажа. Так вроде было модно строить лет пятьдесят назад. Кирпичная труба подтверждала, что и печка в доме есть.

Разуваться Машке бабушка не велела, лишь попросила кроссовки о половичок у порога вытереть. Домик захламленным или грязным, подобно многим дачкам, не выглядел. Чисто в нем было, как не во всякой городской квартире. По тканюму в красную и зеленую веселую полоску коврику девушка прошла до лестницы на второй этаж. Удивленно покосилась на бабюлю. Никаких люков, дверь и открытая лестница, соединявшая этажи.

— На чердак, деточка, — повторила бабушка. — Нам выше надо.

Маша пожала плечами и взбежала по ступенькам. Дождалась, пока, привычно жалуясь на артритные колени, поднимется старушка. На втором этаже тоже располагались жилые комнаты, но видно было, что тут давно никто не жил. Одна с двумя кроватями, явно спальня, вторая вроде как кабинет. Во всяком случае, там стояли письменный стол, высокое рабочее кресло и шкаф. Правда, не застекленный, а с плотно прикрытыми створками.

— Вася, муж мой покойный, тут работал, а в спальне детки жили. Только Вася мой уж семь лет как помер, а Киру и Володеньку по другим городам жизнь разбросала, — мимоходом пояснила бабушка и махнула рукой на невысокую приставную лесенку к люку в потолке. Под ней действительно валялась сломанная чурка, когда-то служившая подпоркой.

За каким лешим бабушке с артритными коленками понадобилось лазить на чердак — неужто и впрямь оттуда за соседями с биноклем подсматривала, — Маша гадать не стала. Просили помочь — поможет. А развлечения старушек — это их личное дело.

Девушка положила рюкзачок на пол, залезла на лесенку и оперлась о люк обеими руками. Толкнула на пробу. Люк первые секунды казался тяжело-чугунным, не дерево, а бетонная плита, а в следующий миг крышка пошла вверх и откинулась с удивительной легкостью.

— От спасибо! — Старушка обрадовалась так, словно ей люк на чердак открыли, а выигрышный билет на миллион подарили или запасную молодость. — Теперь, деточка, пожалуйста, слазь наверх, где-то там у меня ключ от сарая остался. Все обыскала, только там и может быть!

— Хорошо, — улыбнулась Маша, получив ответ на невысказанный вопрос о мотивах бабушки. Какой подгляд, вот нелепость, старушка просто ключи искала! Может, и с биноклем, надеялась пропажу сверху обнаружить!

Сазонова вылезла и встала под стропилами чердака. Огляделась. Вот тут действительно все было так, как положено на даче. Хлам на хламе лежит и хламом прикрывается. Старых вещей — сломанная маленькая скамеечка, старый набор инструментов с банкой кривых гвоздей в придачу, скатка то ли штор, то ли половичков, горка калош, банка с краской, связка старых журналов и стопок газет, разнокалиберные коробки с неопознанным содержимым — имелось вдосталь.

Не видела девушка только одного. Собственно того, зачем полезла на чердак. Ключа.

— А где ключ? — хотела было спросить Маша у бабушки, оставшейся на втором этаже, да осеклась. На самом видном месте, на гвоздике, висел ржавый ключ на шнурке. Маленькие бороздки и длинный штырек. Но все такое ржавое, что и трогать руками побрезгуешь, чтобы не запачкаться.

Но раз бабулька просила... Может, это не тот ключ? Маша на всякий случай еще разок огляделась, других ключей, подходящих под бормотание старушки: «Ты его сразу увидишь, деточка, если глазки правильно смотрят...», — не обнаружилось.

Пожав плечами, Маша подцепила ключ с гвоздика, стараясь не запачкать джинсы (ржавчина вообще не отстирывается!), и полезла назад. Пусть бабушка сама решает, тот ключик или нет. Только для начала люк надо крепко припереть чуркой из горки рядом, чтобы опять не захлопнулся.

— Этот? — с выжидательной улыбкой встала перед старушкой Маша. Ключ покачивался на веревочке между бабой Нютой и девушкой.

— Этот, внученька, — снова неизвестно чему обрадовалась бабушка, да так, что у нее на глазах, кажется, слезы показались.

Маше даже неловко стало: из-за такого пустяка старушка переживала. А ей пяток минут — и все сделано!

Вручив веревочку с ржавым ключом бабушке, Маша снова умостила рюкзачок на спине и побежала по дороге к шоссе. Сазонова уже не слышала, как бормочет себе под нос бабка:

— Наконец-то, дождалась! Теперь дачку соседу продам и к Володеньке в Казань поеду! Он меня давно звал, да долг не пускал. Слово дадено было у одра смертного — найти замену, туточки ее дожидаться. Наконец-то ключ притянул. И Васеньке спокойно теперь будет! Будь счастлива, девонька! Спасибо тебе!

Домой Маша добралась уже почти к девяти вечера. Дверь открыла своим ключом, но на кухне горел свет. Значит, дедушка решил заглянуть. Долго ли до соседнего дома идти?

— А, Маша! Явилась не запылилась! — вышел встречать внучку дед Федор. Невысокого росточка, лысый, как коленка, но еще жилистый и крепкий старик.

— Привет, дедуль! — Девушка чмокнула старика в бритую до синевы щеку.

— Как съездила, егоза?

— Хорошо, шашлыки пожарили, поболтали, у костра посидели, — отчиталась Маша.

— Пила? — с чуть наигранной суровостью нахмурился дед.

— Только красное вино, стаканчик, — не стала скрывать внучка. — Сам знаешь, пиво я не люблю, а водку только в компрессах от ушибов употребляю.

— Ну и ладно, — оставил расспросы старик. — Руки мой и на кухню топай. Я яишенку с колбаской и помидоркой как раз сноношил. Поделюсь!

— Спасибо, дедуль, — улыбнулась Маша, зная, что старик всегда готовит на нее и на себя. Даже если ее нет дома. Так уж повелось. Родители вечно по экспедициям, а заботы о Маше на дедушке Федоре.

Росла Маша поначалу ребенком болезненным, потому дед и решил клин клином вышибать. Не слушая слабого писка обеспокоенных бабушек обоих родителей, сомнений дочери и возражений зятя, сам взялся закалять внучку. В какие мог спортивные секции ее позаписывал. Ушу, лыжи, волейбол, фигурное катание, плавание... Где только не занималась Мария за двадцать лет жизни. Медалей не заработала — для этого, как сказал мудрый дед, здоровье бы гробить пришлось, а не копить. Но от болезней Маша избавилась начисто! За последние

пятнадцать лет девушка даже не чихнула ни разу, не то чтобы грипповать или иную пакость подхватить.

В умиротворенном молчании — оба были не охотники до пустого трепа — родственники поужинали, и дед стал прощаться.

Проводив его, Маша собралась ложиться. Только для начала стоило разобрать рюкзачок. Вытряхнув из него на диван кучку совершенно необходимых вещей — нож, бутылка с водой, кошелек, телефон, пакет с полотенцем, девушка недоуменно нахмурилась. Среди ее собственных вещей лежал виденный сегодня в первый раз в жизни ржавый ключ. Ржавчины, правда, на нем было куда меньше. Небось, пообтерся о Машины вещи.

Но чистота содержимого рюкзака волновала сейчас девушку в последнюю очередь. В своих здравом уме и памяти Маша никогда не сомневалась, она точно помнила, что вручила ключ старушке. Та никак не смогла бы догнать и тайком засунуть ключ в вещи Марии. Тогда почему ключ оказался тут? Совершенно непонятно!

В мистику Машка не верила, девушкой была трезвомыслящей и практичной. Но своим глазам не захочешь, поверишь! Ключ приехал в город — факт. Значит, что она должна сделать? Не носиться по дому с криками: «Чудо! Странность! Невывальщина!» — а завтра (хорошо, что выходной) поехать и вернуть ключ бабушке Нюте. Пока же для сохранности пусть повисит на связке с прочими ключами.

Решив для себя этот вопрос, Маша подняла находку. Остатки ржавчины при этом осыпались хлопьями или чешуйками. И блеснул не обычный серый или желтый цвет сплава, а какой-то странный, золотисто-красный, как красное золото. Но тут же ключ снова стал обычным, медно-оранжевым.

«Рефлекс от штора!» — осенило Марию. Девушка улыбнулась собственной догадливости и прикрепила ключ бабы Нюты на общую связку.

Закончив дела, сбегала в душ и благополучно заснула. Чистое тело и чистая совесть — вот залог здорового сна. В этот раз, правда, сновидения были несколько более причудливы, чем обычно: Марии снились золотой свет, красно-золотой ключ и бесконечность светящихся дверей, в каждую из которых нужно было войти. Нет, не потому, что хотелось, а потому, что так надо.

Ночные кошмары девушку никогда не мучили, проснулась она чуть озадаченной, но освеженной и спокойной — в своем обычном состоянии. Никаких пьяных типов на газонах на пути от дома до остановки, на которой останавливался транспорт, ходивший в сторону Лешкиной дачи, с утра не валялось. А раздававшиеся из соседней подворотни звуки — нечто протяжно-завывательное — Маша идентифицировала как пьяную попытку спеть песню. На помощь не побежала. Если людям так хорошо, чего мешать?

Глава 1 ПЕРВЫЙ ШАГ

Все-таки на природе дышится на порядок легче, чем в городе! Маша, довольно улыбаясь, трусила по гравийной дороге от шоссе к даче бабы Нюты. Для себя девушка уже решила: извинится, отдаст ключ и немного погуляет по окрестностям. Раз уж снова выбралась за город, стоит возможность использовать.

Девушка добежала до участка Лешкиной соседки и удивленно хлопнула глазами. На калитке висел здоровенный амбарный замок.

Маша нахмурилась. Дело немного усложнялось. Теперь придется для передачи ключа разыскивать бабушку. В том, что Лешка, даже если он до сих пор отсыпается на даче с друзьями после вечерней гулянки, знает, где в городе живет баба Нюта и как ей позвонить, девушка сильно сомневалась. Но, может быть, его родители в курсе или соседи справа? На дачах было слишком тихо, только птицы вовсю заливались и где-то далеко влала собака. Ребята точно еще спали.

— Ты чего это? — прервал размышления студентки мужской голос, исполненный подозрений. Он раздался со стороны следующей в ряду дачи. — На дачку даже не зарься! Я уже с Комаровой все давно обговорил. Покупаю! Мне, как члену кооператива и соседу, все равно право первого выкупа положено.

Маша обернулась. Тщедушный мужичок неопределенного возраста в застиранной до состояния «когда-то оно было голубым» рубашке распахнул скрипнувшую калитку и, оперев руки в бока, пытался грозно хмурить брови, притопывая серой от пыли галошей.

— Мне дача не нужна. Я вчера бабе Нюте помогала захлопнувшуюся дверь открыть. И ржавый ключ какой-то в мои вещи случайно попал. Вернуть приехала, — честно отчиталась Мария.

— Покажь! — грозно потребовал сосед.

Маша достала связку из рюкзака и встряхнула, показывая чужой ключ.

— Не, это не от ворот и не от дома, небось, от сараюхи какой на участке. Я все равно менять замки буду, — мельком глянув, успокоился сосед. — Можешь эту ржавую хрень выбросить или, ха-ха, в цветмет сдать. А бабка сюда больше не явится, она к сыну в Казань переезжать собирается. Дачку мне со всем бархлом продает! Что хотела, вчера забрала. Мы ее в город с узлами подбросили. Завтра прямо с утра с женой моей сделку оформлять поедут. Видать, совсем Володьку спиногрызы замучили, если он гримзу Нютку к себе зовет...

— Спасибо, — растерянно кивнула Маша и машинально взлохматила свои густые короткие волосы. — До свидания!

Сожалений о том, что зря съездила, в душе не было. Прогулялась, и ладно! Девушка снова уложила связку ключей в рюкзачок, закинула его на спину и побежала по дороге, дыша полной грудью. Кроссовки легко пружинили по дороге, сильное тело наслаждалось пробежкой. На миг она даже прикрыла глаза, ловя ласку солнечных лучиков, подсвечивающих сквозь растущие по обочинам между дачами березы. Лепота! — как говорили предки.

Еще несколько минут Маша с удовольствием бежала, пока по левую сторону дороги не показалась площадка для сбора мусора. В Лешкином дачном товариществе мусор даже пытались сортировать. Во всяком случае, четыре контейнера — пищевые отходы, пластик, бумага и металл — на гравийном пятчке имелись. Сазонова порядок уважала. Сразу вспомнился ненужный более ключ. Он точно был металлическим. Маша, спустив с плеча рюкзак, вжикнула молнией. Сунув руку, привычно, на ощупь, постаралась выловить из внутреннего кармашка ключи. Укололась обо что-то, наверное, разогнулось колечко, держащее связку, и вытащила наружу.

Странно! Ржавого или теперь уже частично ржавого нет, даже совсем не ржавого, но чужого ключа на связке не было и в помине. Соскочил?

Маша легко дождала пальцами чуть отогнутую дужку и вслепую пошарила в кармашке. Пусто! Пошарила в сумке. Ключа не было. Присела на корточки, раскрыла рюкзак пошире и изучила содержимое — может быть, где-то в подкладке дырка образовалась и ключ провалился? Нет, подкладка ока-

залась цела и ключа так и не нашлось. Куда делся — совершенно непонятно. Но так ли это важно? Если его возвращать не надо, пусть. Найдется, наверное, так же неожиданно, как пропал. В мистику Мария, как уже говорилось, не верила абсолютно, но факты признавала. Если вещь пропала, значит, пропала. Да, в конце концов, еще не все физические законы на Земле изучены. И под какой-то из них очевидно подпадает даже странное поведение чужого ключа.

Пожав плечами, Маша аккуратно застегнула рюкзак и побжала по дороге дальше, к остановке у шоссе.

Свежий утренний воздух, наполненный запахами леса, чуть-чуть дымка (кажется, у кого-то на даче жгли костер, а может, топили печь) наполняли легкие. Дышалось лучше, чем в парке, где обычно бегала девушка. Бежалось тоже легко и приятно. Маша на секунду снова прикрыла глаза от удовольствия и чуть нахмурилась. Перед веками вспыхнула золотисто-красная завеса, кроссовки спружинили не на гравии, а на траве, и сразу же повеяло такой свежестью, чистотой и ароматами множества растений, что в сравнении с этим богатством чистый загородный воздух показался бы не приятней автомобильного выхлопа.

Маша резко остановилась и распахнула глаза. Вокруг был лес. Не дачное редколесье, не парк, не посадка, а натуральный светлый лес с разнотравными полянами и величественными деревьями. Не дубами и не березами. У этих оказались серебристо-белые стволы, странные серебристо-зеленые листья и белые гроздья цветов. А еще на верхушках, если запрокинуть голову посильнее, эти цветы становились гроздьями золотистых плодов. Некрупных, с физалис или помидорку черри. Густой кустарник под деревьями, там, где не было полян, цвел россыпью нежно-фиолетовых цветов — почти сирень, если бы не узкие, как у ивы, листья.

Звонко, мелодично пересвистывались птицы. Но опять-таки Маша не узнала ни одной нотки. Не малиновки, не соловьи — это были не русские птички. И, кажется, вообще не земные.

Додумать мысль о странных растениях и птицах девушка не успела. За кустами раздался судорожный хрип и не то стон, не то кашель.

Мигом оставив рассуждения о похожести и непохожести флоры-фауны, Сазонова ринулась на звук. Кажется, кусты са-

ми разошлись, пропуская ее к телу человека. Ой, нет, не человека. Таких больших зеленых глаз и длинных острых ушей у людей конструкция не предусматривала в принципе. И длинных, но при этом не спутывающихся в неопрятные патлы, а стекающих плащом волос цвета чистого золота тоже. Правда, все это великолепие было грязным от сока трав, серым от земли и красно-бурым от запекшейся и продолжавшей сочиться из многочисленных ран крови. Кажется, незнакомец умирал.

— Человечка... В Кельдилесье... я брежу. Значит, и в самом деле скоро уйду в чертоги Веалиль. Увижу родных. Жаль только, Фэалину не отомщу. Не успел, не смог.

Маша была сострадательной девушкой, но при этом еще и практичной. Смартфон, извлеченный из внешнего кармана рюкзака, показал полное отсутствие сети. Значит, «скорую» вызвать не получится. Нет, аптечка в рюкзаке у нее, конечно, имелась. Но в ней — только жгут, бинт, пластырь, йодовый карандаш, перекись и пачка активированного угля. Этим помирающего инопланетянина, предположительно эльфа, вылечить никак невозможно. Но вдруг какой-то способ знает сам умирающий?

— Как тебе помочь? — уточнила девушка.

— Никак... Я умираю, человечка, я проиграл... Лес отвернулся от меня... Нет его милости и нет желания продлить мою жизнь. Фэалин победил, — прошептал бескровными губами юноша.

— А почему лес отвернулся? — нахмурилась Маша, присев на корточки рядом с эльфом.

— Он отверг мой путь. Я хотел дать доступ к окраине леса нашим соседям во имя гармонии и света, но сородичи воспротивились. — Эльф говорил коротко, делая паузы между словами, чтобы набрать толику сил. — Дядя не поддержал меня. Был поединок. Я проиграл. Меня выбросило сюда, чтобы я умер у корней меллорнов, дав кровью Владык силу деревьям.

— Угу, понятно. Твои реформы не поддержали, — деловито резюмировала Маша, обобщая сказанное. — Все оказались против, а когда ты принялся настаивать на своем, лес и сородичи обиделись, поэтому тебя решили ликвидировать.

— Воистину, — криво, краешком рта усмехнулся эльф.

— А если ты скажешь лесу, что ошибался, попросишь прощения и исцеления, он поможет? — наобум спросила Мария, не зная, что еще предпринять.

— Не скажу, — упрямо дернул головой умирающий и застонал от боли в ранах.

— У нас никогда таких красивых лесов не было, — тихо промолвила девушка, любуясь природой. — Нет, наши леса, там, куда люди еще не добрались и не испортили, тоже красивые. Но тут даже дышится по-другому. Все вокруг не просто растет, оно живет.

— Как можно испортить лес? — настолько поразился умирающий эльф, что даже на какую-то секунду забыл, что умирает.

И Маша, которой весь год читали курс экологии, обстоятельно рассказала как. Остроухий парень слушал, и его грязно-бледное лицо умирающего из белого становилось все более серым. Ложь эльфы умеют чувствовать инстинктивно. Если дядю горячий паренек не дал себе труда слушать вообще, объясняя все его помыслы жаждой власти, то с этой человечкой не возникло даже тени подозрений во вранье. Потому раненый в полной мере осознал правдивость слов девушки, и его прорвала истинная жуть. От ее слов в одночасье обретало смысл древнее абсолютное табу предков, против которого он, свято убежденный в своей правоте, сражался со всем пылом и глупостью.

Когда девушка замолчала, юный эльф пораженно прошептал:

— Хвала Веалиль, Фэалин остановил меня! Не дал тьме опуститься на Кельдилесье!..

Кажется, на эту реплику ушли последние силы юноши. Издав легкий стон, он прикрыл глаза. И словно в ответ сначала едва слышно, но с каждой секундой все сильнее зашелестела листва. Серебристо-зеленый купол над головами человеческой девушки и эльфа взволновался. Одна из самых низких ветвей ближайшего дерева с серебристо-белой корой сама собой опустилась еще ниже и буквально впихнула в рот юноши золотистый шарик плода. Шокированный эльф закашлялся и машинально сглотнул. После чего израненное тело засветилось снаружи и изнутри золотым сиянием. Раны начали затягиваться на глазах.

Маша восхищенно пялилась на процесс ускоренной регенерации, спровоцированный золотым шариком плода. По-видимому, искреннего раскаяния умирающего эльфа оказалось достаточно, чтобы великий лес принял заблудшего идио... ну,

пусть будет идеалиста, и простил. Процесс любования волшебством был нарушен все той же излишне самостоятельной веткой большого дерева. Она встряхнулась, как пес после купания, и на раскрытые ладони Марии упали еще два золотых плода. Один на правую, второй на левую. На миг рукам от ладоней до самых плеч, а потом и сердцу стало горячо-горячо, но тут же весь жар схлынул, сменившись приятной свежестью и прохладным ветерком. А затем ветка погладила Машку по голове, прямо как дед, с небрежной ласковостью взъерошив волосы, и подтолкнула в место пониже спины.

Сазонова подалась вперед, чувствуя, что падает, и упала в золотисто-красный свет. Когда сияние, мешающее зрению, угасло, девушка снова обнаружила себя стоящей на дачной дороге. Будто и не было никакого волшебного леса и эльфа. Или все-таки были? Маша мысленно пожала плечами, поправила лямки рюкзака и продолжила бег к шоссе. Чего гадать? Будет время, разберется, а сейчас в город надо возвращаться. Завтра снова в университет, праздники кончились. А чудо — если было, пусть живет в сердце, не было — все равно ему там самое место. Свет и красота достойны уголка памяти, даже если они всего лишь фантазия.

Глава 2

ИДЕНТИФИКАЦИЯ МАШИ

В аудитории до первой пары было шумно и весело: группа делилась впечатлениями о пикнике. Студенты смеялись, переругивались, трепались. Парни и девчонки красовались друг перед другом. Царила обычная и привычная веселая кутерьма. Пока не пришла на семинар Виктория Наумовна, успели поболтать и о планах на каникулы.

Как всегда, солировал Витька, рассказывая, как он поедет на игры по Средиземью и будет настоящим эльфом. Лук и стрелы у него уже три игры как были, вдобавок по случаю Семенов ухитрился заказать «настоящие» силиконовые эльфийские уши через интернет-магазин и теперь всем продемонстрировал обновку.

Девчонки визжали от умиления и щупали Витьку, причем не только за уши. Маша на уши тоже покосилась и признала: чуток похожи. У того лесного парня в высоту поменьше были

и больше к голове прижимались, а не топорщились враскорячку лопушками. Пожалуй, во всей внешности только уши у коренастого одноклассника с типично русским носом картошкой, короткими каштановыми волосами да широкими лопатами ладоней и были малость похожи на эльфийские.

Витек цвел, пах и самодовольно сиял. Он даже гордо продемонстрировал тест на смартфоне и свой выдающийся результат — эльф стопроцентный.

Конечно, тут же нашлись желающие проверить себя, что вылилось в новый залп веселья. Машка слушала ребят с улыбкой, ей нравилась задорная студенческая атмосфера, но сама скачивать тест и узнавать результаты не спешила. Однако же пришлось — соседка по парте Ленка пристала как банный лист к месту пониже спины. Есть такие люди, с которыми спорить бесполезно. Слова «нет» они не понимают в принципе. Выход при общении с ними, конечно, имеется, даже пара выходов. Первый — просто дать в морду, второй — уйти. Маша с семинара уйти не могла, а бить настырную Ленку было вроде как не за что. Маша вообще старалась ни с кем не драться без крайней нужды, потому сдалась и быстро прошла идиотский тест на настойчиво подсовываемом смартфоне в розовом чехле.

Лена тут же сунула нос и ознакомилась с результатом. Он так понравился девчонке, что та громко взвизгнула и огласила:

— Прикиньте, Машка у нас светлый паладин!

Народ весело зажужжал, Лешка задорно уточнил:

— Где твой белый плащ, щит и меч, Маш?

— У меня вместо них рюкзак, — совершенно серьезно ответила девушка, а Витька, искоса глянув, как сильная рука девушки поднимает предмет обсуждения, чтобы достать тетрадь, мысленно почти согласился.

Маша, небось, одним своим рюкзачком, как мечом и щитом, орудовать сможет. Да, век рыцарей прошел. Она вообще девчонка, но именно ее из всех ребят группы почему-то оказалось проще простого представить в доспехах, при мече, щите и в белом плаще паладина, развевающимся по ветру. Она бы точно сдюжила! Маша... она такая Маша! Опять же не лжет никогда. Точно светлый паладин!

Витька еще хотел спросить, умеет ли Машка мечом орудовать, но не успел. В аудиторию пушечным ядром влетела Виктория Наумовна, временно изъясля эльфийские уши преткновения, и начался семинар.

После занятий Маша еще зашла в библиотеку за парой дополнительных книжек, потому как читать с бумаги удобнее, чем с экрана, и только потом вернулась домой. Доклад лучше подготовить сразу, пока еще свежи в памяти детали задания. Скачивать из сети, конечно, можно, но если сделаешь сама, то, во-первых, запомнишь лучше, а во-вторых, гарантированно не попадешься на списывании. Хитрить Маша не умела и учиться не собиралась.

Засидевшись за учебниками, девушка сама не заметила, как задремала. И снова ей приснился дивный эльфийский лес, высокие деревья со светло-серебристой, почти белой корой, шелест их листьев, похожий на разговор, и двое эльфов, сидящих прямо на траве у корней. Тот юный идеалист, уже оправившийся от ран, и его более старшая, с чуть более темными волосами, копия. Слов было не разобрать, но беседу те двое вели вполне доброжелательную. Кажется, парень все-таки нашел в себе мужество признать ошибки и помирился с дядей. Топор кровавой вражды, ну или, если говорить по-эльфийски, лук со стрелами, удалось закопать в землю.

Маша улыбнулась и умиротворенно вздохнула. Хорошо! Родственники не должны ссориться, и уж тем более не должны воевать друг с другом. Тем более что этим двоим, кажется, делить-то нечего — каждый любит лес и каждый будет стоять за него горой. Теперь плечом к плечу! И власть каждый из них полагает не яркой игрушкой, а бременем и ответственностью.

Пусть девушка видела сон тут, за столом среди книг и тетрадей, ей на миг показалось, что большая ветвь чудесного дерева снова ласково взъерошила волосы своей случайной гостью. Или не случайной?

Жар, вспыхнувший в ладонях от шариков плодов прошлым утром, пробудился вновь, обдавая тело волной тепла, уносящей усталость и сон, освежая разум. И, кажется, даруя некое видение или видение. Маша узрела себя со стороны. Зрелище оказалось странным: она искрилась золотым, красным и белым светом снаружи, а внутри... Нет, не внутри, картинки как бы наложились друг на друга, Маша увидела себя и одновременно увидела тот самый пропавший из рюкзака ключ. Только теперь он не был металлом, он стал ею, или она стала им. Ключ сиял красным золотом и жаждал действий. Каких? Вслед за вопросом пришел и ответ — тех, которые она и только

она сочтет правильными. «А если я ошибусь?» — удивилась Маша даже во сне такому безоговорочному принципу.

«Значит, именно это и будет правильным, — пришел странный ответ, продолжившись загадочным тезисом, впечатывающимся в сознание. — Ты — ключ, отпирающий двери, ты — сила, распутывающая узлы, ты — меч, разрубающий то, что невозможно распутать, ты — свет, изгоняющий тьму сомнений, ты — правило и правило, ты — сила ГАРМОНИИ, ты — ОРТЭС».

«Ой», — даже во сне опешила Сазонова от такого абсурдно-философского утверждения со странным словом в конце.

«Действуй, гармония ведет тебя!» — ответили ей на все вопросы разом, и ощущение сна, который не сон, исчезло.

Привидится же такое, видать, чуток переучилась.

Машка выпрямилась на стуле, тряхнула головой и с силой растерла ладонями лицо.

Нет, сомнений в своих действиях она и в самом деле никогда не испытывала, поступала, как велела совесть, и никогда не жалела о сделанном. Дед приучил. Он говорил: «Сказанное и сделанное, Машунь, уже есть. Ошиблась, не жалея. Можешь исправить — исправляй, нет — иди дальше и не грызи себя. Ошибка — тот же урок на будущее!»

В замке повернулся ключ, раздался зычный голос деда:

— Ты дома, внучка?

— Дома, дедуль! — отозвалась Маша, выскакивая из комнаты в коридор навстречу родному человеку и улыбаясь от уха до уха. Все странные сны, сомнения и чудеса временно отодвинулись на задний план.

Ужинали они снова вдвоем. Вареной картошкой, пожаренной на масле с колбасой, и свежими огурцами. Вкуснятина! Дед, правда, чуток поворчал, что любимые соленые закончились. Ну да ничего, за лето новых наделают!

Под домашние творожные печеня, крепкий чай и бормочущий о ерунде телевизор (дед любил оставлять его или радио фоном) Федор принялся расспрашивать внучку о делах учебных. Каково оно — после почти недели роздыха снова за книги садиться, не тяжело ли? Маша в ответ повеселила старика рассказом об ушах и тесте, поведав и о своем высоком паладинском звании.

— Хороший тест, Машунь, подходящий! — Дед с гордостью окинул взглядом рослую фигуру внучки и, хитро прищурившись, продолжил: — Ты только, как меч раздобудешь, всяких

неправых насмерть сразу не бей, поначалу попробуй плашмя и по месту пониже спины. Оно, бывает, дурь неплохо выбивает! На папке твоём проверял! Не мечом, правда, а ремнем, но принцип-то действенный!

Родственники вместе рассмеялись над нехитрой шуткой старика. После вечерних посиделок дед отправился к себе, а Маша хлопнула себя ладонью по лбу: мусор не выбросила! Надо вынести ведро, чтобы ночью не воняло. Это вроде после заката уносить хлам из дому не следует, а пока солнышко не село, можно!

Схватив ведро, девушка выскочила из квартиры напрямиком в темноту. Какую-то теплую, если не жаркую, абсолютную темноту без лучика лунного света или проблеска звездочек. Такой не бывает даже облачными ночами за городом. И еще здесь не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка. Почему-то сразу показалось, что она не на открытом пространстве, а где-то, ну... Схожие ощущения у Маши были разок в подвале, когда вырубил свет. Тогда, правда, у нее с собой оказался фонарик, на всякий случай засунутый заботливым дедом в карман куртки. Сейчас ни фонарика, ни коробка спичек не было. Выходя с ведром за порог (всего-то и требовалось — выкинуть мешок в контейнер в углу двора в минуте ходьбы от дома), девушка не думала собираться, как в поход. А зря! Очень зря!

Мысленно Маша пообещала себе, что теперь всегда, даже с мусором или в магазинчик за хлебом, станет выходить из дома с любимым рюкзачком. В нем-то фонарик, спички и другие необходимые мелочи имелись!

Неожиданно темнота наполнилась светом двух резко зажегшихся золотых прожекторов. Ой, нет, это были не прожекторы, а глаза. Огромные глаза огромного дракона, возлежащего в, понятное дело, огромной — своды и стены терялись из виду — пещере на огромной гряде сокровищ. Монеты и всевозможные изделия из желтых (наверное, золота) и светлых (наверное, серебра) металлов, изукрашенные разноцветными, наверняка драгоценными, камнями, служили постелью гигантскому ящеру. Пожалуй, с пару троллейбусов в высоту и четыре-пять в длину живая громадина имела. И чешуя, серебристая с синим отливом, тоже сверкала — даже поярче, чем сокровища.

Пока Маша соображала, куда ее угораздило попасть, широкие ноздри на рогатой голове (нет, не двурогой, как у коровы, скорее рога зверя образовывали корону) раздулись. Распахнулась пасть, полная белоснежных, длинных и острых зубов. Яркий-красный раздвоенный язык облизнул белые лезвия.

Доброты, желания указать заблудившейся девушке путь или еще чего-нибудь позитивного в этой громадине не было ни на грош. Так, наверное, выглядела бы смерть, вздумай она принять облик не скелета в черном плаще с косой, а громадного зверя. В груди Марии начало разгораться пламя. Как-то сразу и вдруг вспомнился недавний сон и слова, буквально пытающиеся в сознании:

«Ты — ключ, отпирающий двери, ты — сила, распутывающая узлы, ты — меч, разрубающий то, что невозможно распутать, ты — свет, изгоняющий тьму сомнений. Ты — правило и правило, ты — сила ГАРМОНИИ, ты — ОРТЭС».

Почему-то на девушку снизошла абсолютная уверенность. Стоит ей только по-настоящему пожелать, и она действительно сможет стать мечом. Клинок возникнет в руке именно такой, как нужно, и ему будет под силу поразить любое создание, даже этого громадного зверя.

Но вслед за теми пылающими и громыхающими в голове праведными словами возникли и тихие дедушкины: «Ты только, как меч раздобудешь, всяких неправых насмерть сразу не бей».

Возникли и сработали как огнетушитель. Яркий огонь в груди, толкающий в бой без раздумий, бешеная одержимость сознанием собственной правоты и великой миссии схлынули, словно с глаз упала туманная пелена. Маша тряхнула головой и постановила: «Сначала разбираюсь, потом, если надо, дерусь!»

Миг ясности сознания совпал с иным.

— Человек! — Угрюмый голос, исполненный презрения, раздался не из огромной пасти огромного хищника, а в голове Маши. — Ты пришла украсть сокровища?

«Ой, он разумный, не зверь! — удивилась девушка и при избытке глазного «фароосвещения» уверенно присовокупила: — И очень-очень красивый!»

— Вообще-то я мусор шла выносить, — пожала плечами Мария, отвечая на вопрос, и в доказательство продемонстрировала ведро с отходами.

— Мусор? — Теперь в исполненном грозových громыханий голосе дракона послышалось искреннее недоумение. — В моей пещере?

— Собиралась у себя во дворе, оказалась тут, — честно пояснила парадокс попадания Мария.

— Хочешь похитить мои сокровища? — снова потребовал ответа гигантский ящер.

Кажется, у него заклинило пластинку воспроизведения или мозг.

— Нет, — резко отказалась Маша, никогда сроду не бравшая чужого и даже никогда не помышлявшая о том, чтобы взять. — Воровать — преступление!

— Тогда ты пришла убить чудовище? — переключился на другую программу дракон. Лжи-то в словах девушки он не чувствовал, но логику отследить тоже не мог. Вот и пытался разобраться на свой манер.

— Где чудовище? — живо заинтересовалась Маша. Призрак меча снова полыхнул в груди, готовясь явиться в реальности и разить врага.

— Я чудовище! — раздосадованный вопиющей непонятливостью собеседницы, взревел дракон, разбрасывая сине-алые искры из пасти.

— Нет, ты — дракон, красивое создание, — чуть нахмутив рыжеватые брови, засомневалась девушка, склонив голову набок. — Чудовища — это что-то другое. А почему я вместо того, чтобы мусор выбросить, здесь оказалась — надо разбираться.

Глава 3 МИССИЯ ОРТЭС

— Я чудовище! Я убиваю людей! — взревел дракон, переводя в доказательство взгляд-прожектор на дальний угол пещеры, где валялись покореженные в пламени и когтях железяки, отдаленно смахивающие на куски доспехов.

— Воров? — внесла рациональное уточнение Маша и пожала широкими плечами. — Раньше у нас покушавшимся на чужое имущество руки отрубали, ноздри вырывали, отрезали уши, на лбу клеймо выжигали, а в Китае ноги отсекали.

Дракон всерьез призадумался. Пожалуй, он со своей стремительной огненной казнью поступал с людьми гуманнее, чем

они друг с другом. Но гигант упрямо продолжил гнуть свою линию:

— А еще я ем людей!

— Вообще или опять-таки воров и убийц? — потребовала конкретизации Маша.

— Воров и убийц, — мрачно конкретизировал дракон.

— Понятно, — заключила девушка, не найдя в поведении ящера состава преступления. Если он не только убивает, а еще и питается, то, наверное, правильно поступает, со своей точки зрения. Канныализмом ведь это не считается. Он ведь не своих сородичей ест. А что разумных, так грабителей в пещеру никто не звал. Легонько вздохнув, Маша переспросила: — Свою коллекцию ты как собирал? Не воровал ведь?

— Раньше, в иных мирах, мне поклонялись как защитнику и хранителю, это были подношения-благодарности, — горько признался собеседник.

— Раньше? А теперь?

— А теперь я калека, человечка, — яростно прошипел ящер. — Шторм меж мирами уничтожил мои крылья!

Дракон чуть развернул голову, давая свет фарами-глазами, и на его мощной спине Маша узрела жалкие обрывки того, что некогда являлось великолепными крыльями.

И тогда девушка ощутила, как загорается в ней иной свет. Не тот, что меч, но тот, что правило. Он смешивался с белизной, подаренной дивным деревом с корой светлого серебра. Этот свет копился, покалывал, собирался в ладонях и требовал выхода. Если дерево своим светом, сконцентрированным в плодах, одним махом исцелило умирающего, означает ли это, что и она, Маша, одаренная сияющими плодами, впитавшимися в кожу, сможет полечить искалеченного дракона? Нехорошо, что он поневоле превратился из защитника в пугало для людей! Пожалуй, теперь смысл попадания в пещеру виделся более верно.

— Ясно, — деловито кивнула Сазонова своим мыслям, самым наглым образом игнорируя искрящегося, как неисправная проводка, ящера, и не велела, но попросила: — Мне надо до места травмы добраться. Попробую полечить.

Дракон со стуком захлопнул пасть и подавился собственными искрами. Не считая глухого и одновременно глубокого стука сердца громадины, на несколько секунд воцарилась тишина.

— Полечить? — неуверенно, почти на сто процентов считая, что он ослышался, уточнил ящер.

— Да, — подтвердила Мария и принялась рассуждать вслух: — Только мне не взобраться тебе на спину — слишком высоко, и чешуя либо порежет кожу, либо я с нее соскользну. Надо что-то придумать.

— Так подойдет? — сверкнула сапфирово-стальная вспышка, и на месте дракона встал мужчина, босой, одетый лишь в узкие серые штаны до колен. Запах немытого тела, засохшей крови и нехороших ран ударил девушке в нос.

Золотой свет, который раньше излучали глаза дракона, перешел на кожу его человеческого тела, давая превосходную видимость. Мария подбежала к медленно поворачивающемуся пациенту. Спина дракона являла собой месиво из глубоких багровых гноящихся и едва зарубцевавшихся ран, еще продолжавших местами сочиться сукровицей. Как же ему было больно все это время!

Ослепительный бело-золотой свет рванул из ладоней девушки навстречу этой боли и муке, руки сами легли на горячую бугристую поверхность. Дракон выгнулся дугой и завопил. Сияние затопило все пространство пещеры, ослепив Машу до слез. Руки жгло, будто в чане с кипятком, но Сазонова терпела и держала, чувствуя: все правильно, так надо. Даром и с удовольствием для доктора такое сделать не получится!

Когда зрение вернулось и Маша утерла рукавом глаза, она разглядела лежащего на камнях мужчину с совершенно целой спиной. Бугристые незаживающие шрамы сменила гладкая кожа хорошего золотистого оттенка.

— Получилось! — довольно улыбнулась Сазонова и снова перехватила ручку временно отставленного в сторону мусорного ведра.

— Ты вылечила... Не убила... — Кажется, пациент никак не мог поверить в случившееся чудо. Поворачиваясь к девушке спиной, он почти верил в неминуемую смерть и ждал, почти жаждал ее, как конца мук. А вместо этого получил исцеление.

Маша только тряхнула челкой, подтверждая положение дел. Дескать, все так и есть.

— Я снова буду парить меж мирами! Выбери себе награду! — велел дракон, широким жестом указывая на груди сокровищ.

— Не надо, — почти испугалась девушка, понятия не имеющая, что делать с этими громоздкими драгоценными штуковинами. Украшений, не считая собственных поделок из бисера,

Маша никогда не носила — мешали спортом заниматься, а взять что-то, чтобы где-то продать... Одна мысль о сердито нахмурившемся дедушке, перед которым внучка вздумала бы похвастаться наградой, сразу отсекала всякое желание прибахлиться.

— Тогда каково твое желание, человек? — сурово свел густые брови исцеленный дракон и потребовал ответа: — Закон воздаяния обязывает внести плату! Говори!

— Я шла мусор выносить. Ты его сжечь сможешь? — осенила Машу неожиданная идея, и девушка кивнула на ведро. Даже поставила его на камни и отступила на шаг-другой, открывая клиенту фронт работы.

— Сжечь мусор? — переспросил озадаченный дракон, не ведавший о потенциальных трудностях и коварстве содержимого невинного на вид ведра с черным мешком внутри, и гордо ответил: — Могу!

Дело у благодарного пациента с мыслью не расходилось. Даже не обращаясь в ящера, он хлопнул в ладони, призывая драконий огонь. Бедный мусор аннигилировал заодно с ведром, оставив лишь призрак запаха горелой пластмассы.

— Так? — ради проформы уточнил довольный исполнитель.

— Почти, — вздохнула Маша. — Только пакет из ведра надо было вынуть. Ведро бы еще пригодилось. Оно многоразовое.

— Ведро? — сконфуженно нахмурился дракон.

— Ага, — улыбнулась девушка и беспечно махнула рукой: — Ладно, другое куплю.

— Не надо, — сурово свел густые брови помощник и, оглядев хозяйским взглядом пещеру, повелительно простер длань. Со звоном и шорохом из левого дальнего холма несусветных богатств вылетело нечто, похожее на большую напольную вазу или высокую чашу с дивным орнаментом. Серебристо-серый цвет посуды очень походил оттенком на пластик погибшего ведра. Под взглядом и пламенем, полившимся из двух рук, чаша с растительным узором в считанные мгновения приняла форму и вид, неотличимый от скончавшегося ведерка. Дракон дыхнул на нее, остужая, и презентовал девушке с гордым полупоклоном и пояснением: — Это мифрайль. Прослужит тебе вечность!

— Спасибо. — Маша приняла ведро, не зная, как объяснить несопоставимость подарка и его предназначения, но отчетливо

понимая: откажется — обидит гордого ящера насмерть. Возможно, и, скорее всего, на свою.

Хотя... Ну мифраиль так мифраиль, какая, собственно, разница, в чем мусор выносить? На вид обычное металлическое ведро, только легонькое, легче алюминия, и, наверное, прочное. Потому Маша еще раз и уже более оптимистично повторила слова благодарности. Не важно, из какого материала ведро, если на взгляд землянина это не определить, а если ему сноса не будет — вообще здорово. Пластик-то уже надоело покупать. Мусорные ведра не выдерживали нагрузки и трескались раз в полгода-год, или ручки отваливались в самый неподходящий момент.

— Я Карриграфрай-а-раг-о-рир. Разреши узнать имя моей спасительницы, — преисполнившись торжественной гордости, обратился к девушке дракон, преподнесший невиданно щедрый дар. Вероятно, переходил к следующему ритуальному благодарственному этапу.

— Маша, — просто отозвалась девушка.

— Маша? — Возмущение, унижение, непонимание смешались в вопросе-возгласе исцеленного.

«Ой, он ведь, наверное, свое полное имя назвал, а я в ответ так, по-простому. Обидела! Надо срочно исправиться», — снова тряхнула челкой Сазонова и представилась уже по всем правилам:

— Мария Валерьевна Сазонова.

— Двадцать пять звуков, больше, чем у меня, — довольно оскалился ящер и едва заметно склонил голову; сальные грязные пряди длинных волос упали, закрывая лицо. — Твой род воистину древен. Ты — достойная спасительница! Я удовлетворен!

— Будь иначе, пришлось бы меня убить, смывая позор? — пошутила Маша, а странный ящер ответил ей самой искренней согласной улыбкой и коротким словом:

— Воистину!

«Вот попала... вернее, попала и чуть не пропала», — подумала девушка и осторожно уточнила, не зная, в какой еще форме выразить сакраментальное «дорогие хозяева, а не надоели ли вам гости?»:

— Теперь, когда у тебя снова есть крылья, вернешься туда, где ты был хранителем и защитником?

— Пора, — задумчиво согласился странный собеседник с непроизносимым именем и альтернативной логикой, сочтя вопрос закрытым.

Он посмотрел на свои сокровища, и под действием его взгляда груды несметных богатств то ли спрессовались, то ли трансформировались в обычный темно-синий кулон. Дракон повесил его себе на шею с самодовольной улыбкой. А потом, обратившись в гигантского ящера, дракон по имени Кар... и дальше много букв, взлетел. Нет, не в громадной пещере, а в открывшееся прямо в ней большое окно то ли пространства, то ли времени.

На сетчатке, прежде чем портал схлопнулся, запечатлелось видение: парящий между бесчисленного множества миров прекрасный ящер, распростерший серебряно-синие крылья. Станный, грозный, несомненно опасный, но удивительно восхитительный!

«Ну... — поразмыслив, заключила справедливая Мария. — Если ты настолько могущественен, то имеешь право на чуточку самодовольства. Или не на чуточку... А мне домой пора. Надеюсь, получится, как в лесу эльфов».

Нагнувшись, Маша подхватила ручку нового ведра и, не открывая никаких величественных порталов, просто захотела домой и исчезла в золотисто-красной вспышке. У нее она приняла форму то ли двери, то ли гигантского ключа, ставшего дверью.

Вернувшись в квартиру, девушка поместила в ведерко свежий пакет для мусора и нахлобучила сверху старую крышку. Пригляделась и заключила: со стороны и не скажешь, что ведерко не пластик, а какой-то вечный мифраиль. Ведро как ведро.

Маша еще раз поправила крышку и занялась другими делами. Лечить драконов — это интересно, но котлетки сами собой не пожарятся и макарошки не сварятся.

Глава 4

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ЗАМОК, ИЛИ МАША ПРОТИВ ФОБИЙ

Через пару деньков в гости заглянул дедушка. Новое ведерко для мусора заметил не сразу. А когда заприметил, лишь уточнил, что случилось со старым. На что внучка честно ответила: совсем сломалось.

Правда, вопреки своей выдающейся честности, рассказывать, кем и где ведро «сломано» до состояния аннигиляции, не стала. Дедушка уже пожилой, в сказки не верит, не понял бы внуку. А если бы вдруг понял, то мог бы и разволноваться не по-хорошему.

Зато практичность внучки по части выбора металлического ведерка Федор оценил. И даже малость огорчился, что такое ведро было одно и себе прикупить не получится.

Снова один за другим потекли учебные деньки, Маша исправно ездила в университет, бегала в бассейн, жила обычной жизнью, в которую теперь, как строчка «подвиг» в расписании из старого фильма про Мюнхгаузена, вписались неожиданные перемещения в иные реальности.

Пугаться этих чудес Маша, особа спокойная, как просветленный йог, и практичная до мозга костей, даже не думала. Приняла их как данность и разновидность не то учебы, не то работы. Уверенность: «Все правильно, так надо!» — прочно угнездилась в сознании девушки где-то между таблицей умножения и правилами грамматики. Может, так подействовал ключ, ставший частью ее самой?

«Надо — значит — надо», — приняла Сазонова изменившиеся обстоятельства и постаралась действовать добросовестно, без лишней горячности, спешки или восторженного фанатизма.

Она не Витька и свои перемещения и действия в иных мирах как сказку не воспринимала, больше как математическую или логическую задачу, к которой надо подобрать верный ответ. Почему? Может, потому, что не очень любила читать или смотреть фантастические фильмы и восторженной верой в сказки и жадной чуда не горела.

Лучшим отдыхом для Маши были пробежки или плавание. Хотя к пробежкам, да и к любому выходу из дома, в последнее время Сазонова стала готовиться, как к многодневному походу, потому что ключ-врата, вшитые в нее с той поры, как в руки угодил ржавый ключ бабы Нюты, могли сработать в любой момент. Не всегда удобный или подходящий конкретно для девушки. Зато, весьма вероятно, подходящий для ситуации или мира, куда ее забрасывало в качестве этого самого «гармонизатора, правила и правила». Закономерностей процесса Сазонова пока просчитать не могла. Может, ее вообще не было или ключ сбавывал каждый раз, как только в нем накапливался

некий магический заряд? Ну... значит, так надо, и нечего переживать по пустякам.

К новым обязанностям девушка отнеслась с философским спокойствием. Но, кто знает, возможно, именно спокойствие, а не щенячий энтузиазм и радостная жажда чудес было тем самым необходимым состоянием для оптимальной работы ортэс? Кто-то там наверху, скорее всего, знает наверняка, потому и назначил Машу Сазонову на странную должность.

Словом, по большому счету в жизни и системе ценностей девушки мало что изменилось. Маша лишь немного откорректировала расписание. Вот и все!

Пробежку по парковой тропинке — если можно было, студентка предпочитала бегать именно по тропинкам, а не по асфальтовым дорожкам — прервала золотисто-красная вспышка. И ноги ступили на длинные серые плиты очень старой дороги. В стыках когда-то, видимо, очень плотно пригнанных друг к другу плит пробивались редкие куртинки травы. Вокруг стоял мрачноватый лес, больше хвойный, чем смешанный или лиственный. А прямо перед девушкой дорога упиралась в стену густого, высокого и очень колючего кустарника, порядком превышающего человеческий рост. Вроде листья его напоминали шиповник, но были куда темнее. Ни ягод, ни цветов на ветвях не имелось. Зато наличествовали иссиня-черные пауки. Крупные, с Машин кулак, дремлющие пауки без паутины.

Нет, арахнофобией Сазонова не страдала, но эти животные выглядели отнюдь не безобидно. Подходить к ним близко, не то что касаться даже пальцем, не хотелось категорически. Пока Маша не могла определить причину своего прибытия в этот неприятный лес.

Чуть нахмурившись, Мария прислушалась. Левее, за кустами, у деревьев, пусть мрачных, но не усыпанных пауками, раздавались какие-то несвойственные природе звуки. Если говорить точнее, там кто-то, судя по голосу, мужского пола, не то причитал, не то вздохнул плакал.

Что ж, в беду может попасть любой. Для этого вовсе не обязательно быть хрупкой девой или ребенком. Маша тряхнула челкой и пошла на звук.

Обняв за шею здоровенного белого коня с пышной искристо-снежной гривой, от души рыдал длинноволосый юноша. Черт его лица Маша не видела, зато в подробностях разглядела роскошный жемчужно-белый плащ с вышивкой в виде вос-

ходящего солнца на спине. Вместе с глухими рыданиями с губ блондина вырывались слова:

— Не могу... не могу... Кальвин, я не могу...

— Здравствуй, — обратилась Маша к огорченному юноше. — Тебе нужна помощь?

— Мне никто не в силах помочь, прекрасная дева, — горько посетовал нежданный собеседник, повернув к вопрошающей заплаканное лицо с удивительно тонкими чертами. — Если только ты не снизошедшая с небес аватара светозарной Маирель.

— Наверное, нет, я бы знала, — на миг-другой призадумавшись, рационально объявила Маша. — Но, может быть, тоже помогу. В чем проблема-то?

— Мне никогда не стать рыцарем Ордена Зари и уже тем более королем Зеварда! — горько поведал причину душевных переживаний собеседник, даже не задумавшись над тем, что делает в чаще леса незнакомка.

— Почему? — прямо спросила девушка.

— Рыцарем Зари становится лишь тот отважный воин, который способен пройти по тропе ужаса к заколдованному замку и принести цветущую ветвь шиповника из сада. — Юноша махнул в сторону стоящих стеной кустов с шипами и неподвижно застывшими в сплетении ветвей пауками.

— М-да, невозможно. Если только прийти с лесорубами в защитных костюмах или с огнеметами, — нахмурившись, согласилась Сазонова.

— Заросли раздвигают ветви перед претендентом, — внес вялое уточнение юный не-рыцарь, нервно перебирая поводья. — Но я трус! Я боюсь пауков, а как подумаю, что хоть один из чщидаров пробудится и укусит меня, ноги каменеют, не могу сделать и шага.

— Они сильно ядовитые? — практично уточнила девушка.

— Укус чщидара смертелен, — содрогнулся всем телом собеседник.

— Тогда ты не трус, а нормальный человек, — пожала плечами рационалистка Маша. — Кто же в здравом уме к ядовитым тварям полезет без страховки?

— Чщидары спят зачарованным сном и пробуждаются лишь в случае, если длань смертного заденет хоть лист одного из деревьев, на коих они пребывают вечными стражами.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог.</i> Ключ к тайне	5
<i>Глава 1.</i> Первый шаг	15
<i>Глава 2.</i> Идентификация Маши	20
<i>Глава 3.</i> Миссия ортэс	26
<i>Глава 4.</i> Заколдованный замок, или Маша против фобий	31
<i>Глава 5.</i> Расколдованный замок	37
<i>Глава 6.</i> От будней до подвига и обратно!	46
<i>Глава 7.</i> Массовая дезинфекция	55
<i>Глава 8.</i> Спасти нельзя убить (правила расстановки знаков)	60
<i>Глава 9.</i> Миссия: спасение... мячика	67
<i>Глава 10.</i> Холодные берега	72
<i>Глава 11.</i> Домашняя работа	77
<i>Глава 12.</i> Демоническая	83
<i>Глава 13.</i> Странные сны	89
<i>Глава 14.</i> Удивительные сны и странные встречи	97
<i>Глава 15.</i> Знакомство	105
<i>Глава 16.</i> Сложные вопросы	114
<i>Глава 17.</i> Белый рыцарь, черный рыцарь	121
<i>Глава 18.</i> Спящие Холмы	130
<i>Глава 19.</i> Кто на новенького?	139
<i>Глава 20.</i> Гость поневоле	146
<i>Глава 21.</i> Охота	152
<i>Глава 22.</i> О красоте и здоровом питании	160
<i>Глава 23.</i> Сила слова	163
<i>Глава 24.</i> Неприятная истина	170
<i>Глава 25.</i> Уррадаррир	174
<i>Глава 26.</i> О пользе водных процедур	183
<i>Глава 27.</i> Право на отдых и подарки	190
<i>Глава 28.</i> Ревность	198
<i>Глава 29.</i> Необъявленные визиты	204
<i>Глава 30.</i> Задушевные беседы	210
<i>Глава 31.</i> Откровения и прогулка	218
<i>Глава 32.</i> Преступление и наказание	228
<i>Глава 33.</i> Странное предложение	235
<i>Глава 34.</i> Чистый мир	242

<i>Глава 35.</i> Вместо чая	248
<i>Глава 36.</i> Чаепитие и откровенные разговоры	258
<i>Глава 37.</i> Сон про «не сон»	263
<i>Глава 38.</i> Дар сердца	271
<i>Глава 39.</i> Откровения, признания, умыслы	279
<i>Глава 40.</i> Решающая битва	286
<i>Глава 41.</i> Маша!	300
<i>Глава 42.</i> Какой букет!	304
<i>Эпилог</i>	310